

Русские на Хоккайдо

© 2009

С. Кузнецов

В статье рассматриваются основные эпизоды становления российско-японских связей через "северное окно" Японии — город Хакодате. Первым из них стал визит в этот город российского галиона "Екатерина" в 1722 г. Новой вехой развития двусторонних контактов стало подписание Русско-японского договора о мире и дружбе от 1855 г. и договора 1858 г. о торговле и мореплавании, устанавливающих официальные дипломатические отношения между двумя странами, описывается деятельность открытого в соответствии с указанным договором в 1858 г. первого российского консульства во главе с И.А. Гошкевичем в г. Хакодате. Главным итогом его деятельности стало строительство зданий консульства, морского госпиталя и русской православной церкви. В работе дается анализ российско-японской торговли того времени, приводятся примеры предпринимательской деятельности граждан двух стран.

Ключевые слова: Хакодате, И.А. Гошкевич, миссионерская деятельность, обучение русскому языку, рынок российских товаров.

Модернизация Японии началась в середине XIX столетия, когда страна, закрытая до этого времени от внешнего мира указами сегунов, была "открыта" иностранцами — американцами, европейцами и русскими. Для России особое значение приобретал наиболее близкий географически северный остров Японского архипелага — Хоккайдо. А на нем — важнейший в то время порт — Хакодате.

Хакодате — один из старейших городов на Хоккайдо, еще в XV в. здесь была построена крепость. В 1454 г. самурай из Аомори Кавано Масамити построил свою резиденцию в Усукэси. Поскольку она имела прямоугольный вид, то получила название Хако (ящик). Отсюда пошло и название Хакодате — крепость-ящик, в честь этого здания.

В период Эдо (1600—1868) Хакодате был процветающим портом, ведущим активную торговлю морепродуктами. Особая роль в этом принадлежала богатому купцу хозяину многочисленных торговых судов и первого торгового дома в Хакодате — Кахэй Такада. В 1799 г. он открывает маршрут на Южный Сахалин.

В 1802 г. сегунат учредил здесь свое представительство для управления делами Хоккайдо.

На заре модернизации Японии, в 1859 г., Хакодате оказался в числе трех портов страны, впервые открытых для международной торговли. И если Иокогама смотрела на Северную Америку, Нагасаки — на юг, то Хакодате был "ок-

ном”, открытым на север, в сторону России. Однако первое русское посольство в Японию нельзя назвать удачным. 13 сентября 1792 г. русский галион “Екатерина” отдал якорь в бухте Нэмуру на севере острова Эдзо (Хоккайдо). Местные власти не сразу приняли русских посланцев. Адам Лаксман отправил властям острова письмо. Переговоры велись, а ответ на письмо ждали долго. В июле 1793 г. было получено разрешение “Екатерине” под командой штурмана Ловцова идти в порт Хакодате, причем русское судно шло под конвоем японских кораблей. Переговоры длились девять дней и ни к чему не привели. Попытка установить торговые отношения с японцами успехом не увенчалась. 2 августа галеон “Екатерина” покинул Хакодате и взял курс к русским берегам. Первая российская экспедиция в Страну восходящего солнца увозила с собой подарки от японского императора: три меча, двадцать ящиков листового табака, сто кулей риса, несколько ящиков японской бумаги, фаянсовые чашки и письменное разрешение на приход одного русского судна в Нагасаки, если Россия захочет продолжать переговоры с Японией.

После “открытия” Японии и подписания договоров с США, Англией, Францией, Россией Хакодате вошел в число городов, куда стали заходить иностранные суда для пополнения запасов провизии, воды и топлива. Полностью Хакодате был открыт для иностранцев 2 июня 1859 г.

Русским кораблям был разрешен заход в порты Хакодате, Симода и Нагасаки по Русско-японскому договору о мире и дружбе, заключенному 7 февраля 1855 г. “В этих трех портах русские суда могут отныне исправлять свои повреждения, запастись водой, дровами и съестными припасами и другими потребностям, даже каменным углем, где его можно иметь, и платить за все это золотом или серебряной монетой, а в случае недостатка денег заменяют их товарами из своего запаса”¹, — гласила статья 3 договора. По тому же договору русское правительство назначало консула в один из двух первых портов, когда признает это необходимым. “Места и дома для консульства будут определены японским правительством, и русские живут в них по своему обычаю и законам”².

Вскоре после Симодского трактата 1855 г. между Россией и Японией был подписан договор 1858 г. о торговле и мореплавании. Он был заключен 7 (19) августа в г. Эдо Е.В. Путягиным со стороны России, Нагаи Гэмбано, Иновайе Синаноно и др. со стороны Японии. Ст. 1 сохраняла в силе договор 1855 г. Между Россией и Японией устанавливались официальные дипломатические отношения. Стороны условились обмениваться постоянными дипломатическими представителями (ст. 2). “Отныне Его Величество Император Всероссийский будет иметь право назначать дипломатического агента ко двору Его Величества Тайкуна Японского. Дипломатический агент может быть в звании Посла, Посланника, Министра или поверенного в делах”³. Кроме Хакодате и Нагасаки и взамен порта Симода, для русских открывались в 1859—1863 гг. еще 3 порта. Во всех открытых портах учреждались постоянные русские консульства. Русским разрешалось свободно посещать с целью торговли города Эдо и Осака, проживать в открытых портах. На подданных обеих стран распространялись все права и преимущества, предоставленные другим иностранцам. На основании ст. 2 в столице Японии была учреждена постоянная русская дипломатическая миссия. Согласно статье 4, правительство российское “может иметь консулов или консульских агентов во всех или в некоторых из открытых для русской торговли портов Японии”⁴. По договору русские могли свободно передвигаться в Хакодате в пределах десяти ри (1 ри — около 4 км.).

Наряду с опасением, что иностранцы проникают в Японию с колонизаторскими намерениями, среди наиболее прогрессивной части населения возростала жажда познания большого мира, усиливалось тяготение к контактам с иностранцами. Мыслящие японцы понимали, что сохранить свою независимость они могут лишь в том случае, если, овладев достижениями Запада, ликвидируют свою отсталость. Что вообще требовалось иностранными судами, заходящим в Хакодатэ? Прежде всего, топливо, пища и вода. За исключением пресной воды, которой здесь было сколько угодно, ничего другого здесь невозможно было получить в достаточных количествах. Поэтому власти вынуждены были завозить в Хакодатэ и топливо, и продукты питания. Иностранным судам требовалась говядина, но ее производство еще только начиналось на Хоккайдо. Для развития животноводства из префектуры Иватэ был завезен скот, разведение которого всячески поощрялось. Власти также старались стимулировать крестьян Хоккайдо, выращивающих овощи, особенно картофель, приобретали зерно, чтобы поставлять его иностранцам. Топливом иностранные суда начали снабжать недавно открытые на побережье угольные шахты в Сиранука и Каянума. Таким образом, появление многочисленных иностранцев в Хакодатэ стало одной из причин быстрого хозяйственного развития города и окрестностей. С другой стороны, и сами иностранцы приняли активное участие в освоении Хоккайдо. Например, торговля морепродуктами, которые шли из Хакодатэ в другие районы Японии и за рубеж, сконцентрировалась в руках иностранцев. Впрочем, в этот промысел активно вовлекались и японцы. По предложению иностранцев и при их участии порт Хакодатэ быстро стал превращаться в торговый. В хозяйственном развитии Хоккайдо видное место принадлежало американцу Райсу, который обучал японцев передовым методам животноводства, культивировал на Хоккайдо многие сельскохозяйственные культуры, не известные прежде японцам⁵.

Исторически так сложилось, что в освоении Хоккайдо наиболее активное участие приняли американцы. Поэтому развитие сельского хозяйства на севере Японии прочно связано с именами Г. Кэпрона и Т. Блэкистона, а специального образования — с именем У. Кларка. Одним из первых иностранцев, обосновавшихся в Хакодатэ, был американский коммерсант Джордж Райс, который приехал сюда в 1857 г. Россия при всем желании не могла с ним соперничать. Между Японией и развитыми, европейскими районами России лежали огромные малоосвоенные пространства Сибири и Дальнего Востока, а надежное транспортное сообщение отсутствовало. Тем не менее, имена русских дипломатов, ученых, священников также вписаны в историю Хоккайдо.

Особое место среди них занимает первый официально назначенный русский консул в Японии И.А. Гошкевич. Как известно, первое российское консульство в Японии открылось на Хоккайдо, в городе Хакодатэ в 1858 г. Спустя десять лет оно было преобразовано в Генеральное консульство (сроком на три года), а фактически все это время, вплоть до учреждения в 1874 г. российской миссии в Эдо, в 1868 г. переименованном в Токио, консульство в Хакодатэ выполняло функции российского посольства. И.А. Гошкевич был широко образованным, интеллигентным человеком и достойно представлял интересы России в Японии, распространял здесь знания о России и собирал самую различную информацию о Японии. Он прибыл в Хакодатэ с семьей, несколькими служащими консульства, врачом и священником и стал первым официальным представителем иностранной державы на Хоккайдо. Позже, осенью 1859 г. в Хакодатэ появились британский консул С. Бертон Хадсон и французский католический миссионер

Мермэ де Кашон. Все они арендовали дома, приспособливали их для жилья и религиозных служб. Селились они главным образом в районе порта. Поскольку Хакодатэ был невелик, его население было малочисленным, иностранцы сразу стали заметными фигурами в городе.

В 1860 г. известный русский адмирал И.Ф. Лихачев указывал на важность для России использования географического положения Хакодатэ, которому наряду с островом Цусима и бухтой Анава “может быть присвоено название дверей в наше внутреннее море”⁶. Понимая, что инициатива в Хакодатэ уже перехвачена англичанами и американцами, он предлагал России приобрести остров Цусима или его часть⁷.

Русский консул и его сотрудники прибыли в порт Хакодатэ 5 ноября 1858 г. Первоначальный штат, прибывший на клипере “Джигит”, состоял из пятнадцати человек. В их число входил секретарь консула В.Д. Овандер, морской инженер П.Н. Назимов, врач М.П. Альбрехт, священник В.К. Махов. Павел Назимов в письме от 1(13) декабря 1858 г. сообщал, как их встретили в порту Хакодатэ: “Японские чиновники не замедлили явиться на клипер с поздравлениями; первый из них, взойдя на палубу, поздоровался с нами на английском языке; то был переводчик, за ним следовали: старший губернаторский чиновник, шпион-офицер и таможенный инспектор”⁸. В тот же день состоялся визит к градоначальнику. “Получив приглашение, консул с лицами, состоящими при консульстве, командирами русских судов и офицерами, не занятыми службой, в полной форме отправились на берег, где уже их ждала толпа любопытных... Губернатор объявил нам городские и рейдовые правила, предложил служащим на клипере на берег не съезжать без позволения, но это принято не было, и японцы с удивлением выслушали этот отказ в неповиновении... Губернатор приказал двум чиновникам показать назначенный для нас храм. Консул и доктор с семействами поместились временно в двух комнатах храма. Секретарь и я, по неимению места в храме, остались на клипере”⁹.

За семь лет пребывания в Хакодатэ И.А. Гошкевич сделал очень многое. Был построен консульский дом¹⁰, с помощью доктора Зеленского был открыт морской госпиталь для русских моряков, в котором лечились также и японцы. Одной из первых забот консульства явилось устройство лазарета. Первоначально врачи (после Альбрехта там работали Зеленский, Матвеев) лечили только свою колонию и заходивших в порт Хакодатэ российских моряков. Чтобы принимать японцев, понадобилось специальное разрешение правительства. По получении санкции из Эдо от жаждущих исцеления не стало отбоя — тем более что лечение и лекарства были бесплатными. Чаще всего доктора сталкивались с чесоткой, сифилисом, глазными болезнями. Больные поступали обычно в тяжелом, запущенном состоянии, когда местные лекари от них уже отступались. Альбрехт завоевал “окончательный авторитет”, излечив двух человек, страдавших водянкой. Очередь к нему располагалась лагерем у ворот лазарета. У Альбрехта “каждодневно гостили” местные врачеватели, любознательно наблюдавшие за его практикой. Врачебное искусство японцев в те годы оставалось традиционным. Практиковалось иглоукальвание; применяли сушеную траву моксу, которую поджигая прикладывали к определенным точкам тела. Широко распространен был массаж, на нем специализировались слепые — они ходили по селениям, извещая о себе игрою на флейте. Знание анатомии японцы получили от голландских врачей в Нагасаки на о-ве Дэдзима, но хирургия еще не получила распространения. Доктор Альбрехт с разрешения губернатора проводил для

японских лекарей показательное препарирование трупов. Сам же, в свою очередь, с интересом присматривался к их богатой растительной фармакологии, отмечая, что каждая травка имеет у них свое врачебное назначение. В 1862 г. русские врачи вели не только амбулаторное лечение, но и госпитализировали до ста человек в год. При этом открытие больницы было сопряжено с многими трудностями — местные власти неохотно разрешили иностранному врачу практиковать. Еще сложнее решался вопрос о выделении земельного участка для строительства больницы. Долгое время до строительства больницы доктор Альбрехт вел прием у себя дома, так что он более походил на больницу, нежели на жилище. Так власти пытались ограничить общение японцев с иностранцами. Русская больница в Хакодате просуществовала до 1866 г. и оказала бесплатную медицинскую помощь тысячам японцев. В любом случае, русская больница способствовала развитию медицины на Хоккайдо, распространению среди японских врачей передовых методов лечения¹¹. Альбрехт указывал местным властям на антисанитарное состояние улиц города. Он писал, что “Хакодате, несомненно, — один из самых грязных японских городов, независимо от того, что люди пишут об его чистоте. В течение четырех месяцев в году, два месяца осенью и два весной, улицы Хакодате становятся океаном грязи, непроходимым для европейской обуви”. Положение усугубляет зловоние в городе, распространяемое через открытую канализацию на улицах и вокруг зданий: “японцы содержат в чистоте внутренние помещения, но, кажется, не заботятся о грязи снаружи”. Альбрехт и Гошкевич безуспешно пытались убедить местных чиновников предпринять какие-то меры по содействию гигиене в общественному здоровью задолго до годы распространения западных медицинских знаний в Японии¹².

Русский консул старается познакомить японцев с русскими обычаями и традициями: “Для сближения с здешним чиновным миром, — писал он, — мы придумали о святках разные увеселения и, кажется, достигли цели. На кануне Рождества устроена была у меня для детей елка, на которую явились не только дети, но и почти все чиновники, и один из старших советников правления принес от губернатора небольшой подарок... Дамы наши раздавали конфеты, картинки и детские книжки и особенно поразили японцев русским национальным нарядом. Новый год также встречали у меня многие японские чиновники, и по этому случаю был маскарад, в котором участвовали офицеры клипера “Пластун”; имена всех танцев записаны японцами. Наконец 1 января утром присланы были ко мне здешние кадеты, из которых уже многие учатся по-английски, а некоторые после праздников начнут брать уроки русского языка”¹³.

В Хакодате для отдыха и пополнения припасов начинают заходить русские суда. “Вследствие предписания, корвет “Посадник”... 10 февраля 1861 г. благополучно достиг Хакодате, — пишет в рапорте капитан корвета Бирилев. — Я считал необходимым пробыть здесь с неделю для освежения команды, из которых до 15 человек было больных простудой. В Хакодате наши люди пользовались баней, отчего больные простудой поправились, кроме 5 человек сифилитических, получивших болезнь в Нагасаки. В продолжении здешней стоянки я добавил провизии и запася квашеной зеленью и быками, так что корвет имеет морской провизии на 4 месяца. 19 числа я имел намерение сняться с якоря”¹⁴.

На средства И.А. Гошкевича и при его непосредственном участии в 1859 г. была построена православная церковь Воскресения Христова при Российском консульстве в Хакодате. Среди местного населения, замороженного его непривычным колокольным звоном, храм был известен как “Ган-ган дэра” (“Храм бом-

бом”). В его внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками татами, устилавшими пол, почти как в буддийском храме.

Однако ни о каком миссионерстве речи тогда не было. Первый священник Воскресенской церкви протоирей Василий Махов проводил службы для уже существующей православной паствы. Истинная миссионерская деятельность в Японии начинается только с приездом о. Николая (Касаткина), который сменил уехавшего по болезни протоирея Василия в 1861 г. Отец Николай — личность поистине выдающаяся, он посвятил всю свою жизнь делу проповеди слова Христа среди язычников. О роли, которую сыграл Касаткин в истории Страны восходящего солнца, говорит тот факт, что в начале XX в. двумя самыми известными людьми Японии были император и архиепископ Николай. Последний познакомил японцев с Россией, ее культурой, нравами, обычаями, литературой. За несколько лет Николай освоил японский язык и мог вести проповедь по-японски. С его именем связан более чем 50-летний период активной и относительно успешной деятельности РПЦ в Японии (хотя ее трудно сравнивать с успехами католической и протестантской миссий европейских государств). В 1868 г. в Хакодате были тайно крещены трое первых японцев, пожелавших после тщательного изучения принять православную веру. Это были бывший жрец главного в городе синтоистского храма города Савабэ Такума и два его друга-врача Сакай и Урано. Тем самым положено основание РПЦ в Японии. В этом же году число верующих достигло двадцати. В 1870 г. отец Николай был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Русской духовной миссии в Японии. В 1871 г. он привез из России литографическую машину, подаренную миссии Азиатским департаментом Министерства иностранных дел для печатания необходимой светской и христианской литературы, закупленную на деньги добровольных жертвователей церковную утварь (включая сюда и три освященных антимиона для предполагавшихся к строительству церквей). С помощью студентов катехизической школы он печатал свои лекции, молитвенники и иные материалы. В 1872 г. были напечатаны три книги на японском языке: главные молитвы, православное исповедание веры св. Дмитрия Ростовского и катехизис для оглашенных. Были готовы к печати переведенные архимандритом Николаем “Краткая священная история”, “Евангелие от Матфея” и “Чин оглашения язычников, желающих принять православную веру”¹⁵. Это была первая христианская литература в Японии. Иконы производились также литографическим способом, их можно и по сей день видеть над царскими воротами в храмах Кусиро, Такасаки и Янайбара. Поскольку в отсутствие Николая необходимо было пользоваться этими материалами для богословских изучений, группа его учеников — Такума Савабе, Токуррей Сакай и Даизо Урано — стала самостоятельно изучать церковно-славянский язык. Из Хакодате православие распространилось до северо-восточного Сендая, который стал его центром. Однако оставаясь в северном провинциальном городке Хакодате, отец Николай не мог рассчитывать на успех своей миссии. Поэтому вскоре он переехал в Токио. В январе 1872 г. церковь в Хакодате передается на попечение выпускника Киевской Духовной академии отца Анатолия¹⁶. Приехавший в июле 1872 г. с инспекционной целью в г. Хакодате преосвященный Вениамин, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, отмечал высокий уровень организации и состояния миссионерского дела среди японцев. В день Успения Божией Матери в хакодатской консульской церкви им было совершено первое на японской земле торжественное архиерейское богослужение. Интересно описание этого события, переданное епископом в специальном рапорте в Святейший

Синод. “Православная церковь в г. Хакодате по внутренней красоте своей после Благовещенского кафедрального собора есть лучшая во всей Камчатской епархии. Она деревянная на каменном фундаменте; построена в русско-византийском стиле на самом высоком месте в городе, так что как бы господствует над всем городом, придавая и ему самому издали вид православного русского города. Внутри церковь отделана с изяществом, достойным храма Божия; карнизы и купол украшены золотыми багетами, иконостас позолоченный, с иконами академической живописи, ризница весьма приличная, чистота в храме постоянная, потому что японцы не иначе вступают в храм, как оставивши обувь за дверями. И таким благоустройством Хакодатская церковь обязана главным образом попечению архимандрита Николая, который не только собирал на нее пожертвования и наблюдал за всеми работами, но и сам личным трудом участвовал в работах”¹⁷.

Архимандрит Сергей, прибывший на службу в состав Японской православной миссии с 1890 г., писал, что “Хакодате — мать наших церквей. Здесь... преосвященный Николай первый раз ступил на японскую почву, здесь крещены первые наши христиане, разнесшие потом весть о Христе по всей Японии”¹⁸. Во время пожара 1907 г. православный храм в Хакодате был уничтожен огнем. Тогда же отец Николай предпринял меры для сбора средств на строительство нового. “На храм в Хакодате когда-то Бог поможет собрать? Набралось вследствие моих писем доселе и сбора преосвященного Сергия в России до 6 тысяч рублей; а нужно не менее 30 тысяч”¹⁹. Храм был восстановлен в 1916 г. Шестикупольный каменный храм в русском стиле, возведенный на смену деревянному по проекту архитектора Кавамура Изо, был освящен в 1916 г. Большой колокол расплавился во время пожара 1907 г., заменивший его в 1928 г. двухтонный колокол был подарен кафедральному собору в Токио (сильно пострадавшему во время землетрясения Канто 1 сентября 1923 г.). Трехъярусный иконостас изготовлен в Петербурге в 1910-е гг. В храме много икон работы первой японской иконописицы Ямасита Рин. В 1983 г. храм был признан национальным культурным сокровищем.

И. Гошкевич и отец Николай открыли школу русского языка в Хакодате. Было организовано подсобное хозяйство в деревне Камида. И. Гошкевич обучал японцев шитью одежды европейского покроя, выпечке хлеба, приготовлению молочных продуктов и солений. Гошкевич был и талантливым востоковедом, который глубоко понимал Японию и значение русско-японских отношений.

Важной сферой деятельности русского консульства в Японии стало обучение местных жителей русскому языку. Сами японцы делали первые шаги в этом направлении еще в начале XIX в. Тогда сегун, напуганный голландцами, возможным “нападением с севера”, распорядился приступить к всестороннему изучению потенциального противника. Для этой цели использовали русских моряков, которых стихия забрасывала иногда к берегам Японии. Использовали и своих рыбаков, имевших опыт общения с русскими на Сахалине, на Курилах.

С открытием консульства в Хакодате преподавание языка поднялось на новый уровень. За распространение грамоты взялись люди, имевшие образование и соответствующие склонности. Существенный вклад в это начинание внес Иван Махов, который составил элементарный букварь. Его небольшая книжечка (20 страниц) имела заглавие: “Русского чиновника подарок японским детям. Русская азбука. Росия-но ироха”. Букварь открывался обращением: “Любезное дитя! Возьми эту азбуку, учишь читать, писать, а также и говорить по-русски”. Адресованное детям пособие годилось и для взрослых. Учащиеся знакомились по нему с алфавитом (печатной и письменной формой), получали понятие о гласных

и согласных букв, об ударении. Приводились обиходные фразы: “Сегодня весьма хорошая погода”, “Вчера пришло сюда русское судно”, “Завтра большой праздник”, “Он ученик прилежный, а прилежание к наукам очень похвально” и т.п. Произношение русских слов передавалось с помощью японской азбуки “катакана”. Над этим пособием И. Махов работал пять месяцев. Ксилографическим способом его размножили. Отпечатано было 500 экз. для бесплатной раздачи в Хакодате, Эдо, Киото, Нагасаки. В подарок губернатору Хакодате букварь переплели особенно нарядно. Высокий чиновник оценил сувенир по достоинству: “Превосходно, поистине превосходно. Весьма любопытная вещь и отлично сделана, я восхищен!”. Одна книжка предназначалась главе государства, ее отпечатали на разноцветной почтовой бумаге²⁰.

На территории консульства организовали класс русского языка под руководством псаломщика консульской церкви В.Л. Сартова. Кроме того, в одной из городских школ Хакодате Сартов преподавал арифметику, географию, историю. К языку приобщались и в миссионерском училище (Дэпгё гакко), основанном после приезда на Хоккайдо иеромонаха Николая и отца Анатолия. В отчете по обозрению Японской духовной миссии за 1872 г. говорилось, что “православная миссия в Хакодате занимается еще обучением японцев, христиан и язычников русскому языку. Обучение первых совершается в видах религиозных, чтобы открыть им источник христианских познаний в русских богословских сочинениях; а последние обучаются по просьбе родителей и начальства, для сношения с русскими. В настоящее время (1872 г.) в Хакодате обучается русскому языку 6 человек. Особенного успеха в русском языке обещают два христианина Николай Макипо и Петр Оно”²¹.

О результатах просветительской деятельности православных миссионеров можно судить хотя бы по воспоминаниям Л.И. Мечникова, который будучи в Японии в 1873 г. отметил: “Я был немало удивлен по приезде в Японию тем, что из всех японских переводчиков разных европейских языков, стоявших в большинстве случаев значительно ниже самого скромного уровня, именно русские отличались сравнительно лучшим знанием своего дела, к тому же они оказывались многочисленнее, чем можно было ожидать. Некоторые из них в очень юных летах были отправлены в Россию, отчасти на казенный счет, отчасти же иждивением адмирала графа Путягина. Другие, никогда не покидавшие своей родины, научились, однако же, довольно удовлетворительно говорить по-русски в училище, устроенном нашими миссионерами в Хакодате под руководством архимандрита о. Анатолия”²². Важным пособием при изучении русского языка был и составленный И.А. Гошкевичем русско-японский словарь.

По возвращении в Россию в 1865 г. Гошкевич позаботился о том, чтобы японские юноши имели возможность получить образование в учебных заведениях Санкт-Петербурга. Над первой группой учеников, состоявшей из шести человек, Гошкевич шефствовал до ухода в отставку в июле 1867 г. С 1873 г. русская церковь в Хакодате регулярно принимает японских детей для обучения русскому языку. В 1879 г. здесь училось более трехсот японских детей²³.

Гошкевич и Зеленский были неплохими фотографами и обучили этому делу нескольких японцев. Их ученики Кидзу Кокити и Тамото Кэндзо стали одними из первых японских профессиональных фотографов, открыли собственные фирмы и широко распространяли фотодело в Японии.

Преемником Гошкевича на посту консула в Хакодате стал Е.К. Бюцов (1837—1904), он исполнял обязанности консула с 1865 г. по 15 мая 1873 г.). Он был

также заметной фигурой дипломатического ведомства России и после службы в Хакодате получил назначение на пост российского посланника в Китае²⁴. В начале 1870-х гг. в русском представительстве служил консул А.Э. Оларовский, бывший позднее консулом в США, поверенным в делах и министром-резидентом в Сиаме²⁵.

На Хоккайдо вели исследования и российские ученые. Наибольшую известность среди них приобрел ботаник, академик К.И. Максимович (1827—1891). В 1853 г. он предпринял путешествие вокруг света на фрегате “Диана”. С большими затруднениями исследовал он растительность тогда еще почти неизвестного Приамурского края и собрал богатую коллекцию, которую издал под названием “Primitiae florum amurensis” (“Mem. de l’Acad. Imp. de St.-Petersbourg”, 1859). В январе 1861 г. К. Максимович предпринял путешествие в Японию. 18 сентября он прибыл в Хакодате, где прожил более года. Радиус исследовательских поездок по острову в то время был невелик — 30 верст. Такие ограничения ввело японское правительство для иностранцев. Но ботаник был рад и этому. Ведь там еще не ступала нога ни одного ученого-европейца. Находки превзошли ожидания. Гербарии, привезенные в Петербург, открыли для ботаники две новые области — юго-восточную Маньчжурию и остров Эдзо (Хоккайдо) в Японии. Максимович снял в Японии постоянную квартиру, где складировал образцы растительного мира, которые затем направляли в Россию. Российские дипломаты обеспечивали безопасность его передвижения по стране. В 1861 г. ученый переехал в Нагасаки, откуда пытался совершать поездки по южной Японии. Завершив задуманное, Карл Максимович в феврале 1864 г. вернулся в Россию. 2 тыс. видов японских растений открыл Максимович мировой науке. В Петербург он привез срезки деревьев 187 наименований, гербарии, семена 300 пород растений, коллекции чайных кустов. Петербургский Ботанический сад благодаря этой коллекции встал в ряд с мировыми ботаническими центрами. Но и в области теории Максимович сделал немало. Он опроверг существовавшую точку зрения, что растительный мир Японии резко выделяется из всей зоны Дальнего Востока. Оказалось, что по флоре она имеет много общего с Китаем и другими странами Азии и даже с Сибирью. Часть растений из Японии вскоре прижилась и на российской почве. Так, в дворянских усадьбах Петербурга и Москвы начали сажать японскую ветреницу из семейства лютиковых. В Петербурге появился японский лилейник, широко распространенный по всему Дальнему Востоку.

В рассматриваемый период Япония не стала рынком для российских товаров. Незначительным был и импорт из этой страны. Хотя при отправке консульства в Японию предполагалось, что японцы будут покупать у русских многое, но тогда не было еще вполне определенно выяснено, что Россия будет покупать у японцев. Несмотря на такую неопределенность, существовала твердая уверенность, что следует лишь сделать первый шаг и экономическая необходимость во взаимном товарообмене быстро расширит двустороннюю торговлю. В “Иркутских ведомостях” за 1857 г. сообщалось, что “летом того же года придут первые японские суда в устье Амура для произведения опыта торговли с нами. Японцы должны были привезти к нам сушеные плоды, зелень, сарацинское пшено, деревянные и костяные изделия”²⁶. Как бы то ни было, а торговля с Японией со времени трактата Путятина постепенно начала завязываться, и сибирским купечеством “возлагалось даже на эту торговлю много надежд и упований”²⁷. Однако эти надежды не оправдались в полной мере, русско-японская торговля развивалась очень медленно. В 1879 г. ее объем составлял менее 60 тыс. иен, при этом в Японию было продано товаров на сумму в 50 тыс. иен. Русские покупали

японский каменный и древесный уголь, рыбу, клей, бобы, картофель, продовольствие, алкоголь, соль, серу, чай, табак, поделки из черепаховых панцирей, лапшу и некоторые беспощлинные виды товаров, такие как текстиль, фарфор, бумагу и традиционные изделия из дерева, покрытого лаком. На Хоккайдо, как писал русский писатель и путешественник С.В. Максимов, “первые и последние покупщики из русских здесь пока офицеры и матросы военных судов. Но на этих, конечно, надежда плохая (хотя Хакодатэ и стал, говорят, поправляться на русских деньгах). Матросы полюбили дешевую рисовую водку сакэ, да домекнулись до полушелковой материи на штаны. Офицеры берут здесь шелковые материи, тоже необычно дешевые, да лаковые вещицы в виде шкатулок и ящиков. Правильная и все смекающая коммерция найдет здесь и иные предметы для выгодного приобретения и конечно получит их, потому что народ очень рад новым знакомцам”²⁸. Японцы покупали в России небольшое количество мехов, стеклянные и металлические изделия, некоторые виды продовольствия, соленую рыбу, лес, табак и беспощлинную муку²⁹. Расходы на доставку делали русские товары значительно дороже аналогичных американских и даже западноевропейских. Русские купцы, направляя товары в Японию, должны были сперва доставить их сухим путем до Сретенска, а затем сплавить до Николаевска. Что же касается дальнейшего следования, то русские купцы не имели средств для судов, подходящих для плавания в Японию. Транспорт товаров из Сибири в Японию требовал полтора, а иногда два года. К тому же японцев мало интересовали меха и лес, которыми были богаты Сибирь и Дальний Восток. Европейцы и американцы в это же время с большим успехом сбывали японцам шертинг, ситец, шерстяные изделия, сукно, олово, жесть, железо, то есть такие товары, которых Сибирь тогда поставлять не могла. К тому же существовавшие в Японии в то время правила обмена иностранных денег существенно обесценивали рубль и делали торговлю маловыгодной для русских купцов.

Определенные перспективы были в торговле в Хакодатэ сахалинским углем. Очевидной была необходимость устройства здесь угольного склада. Русское министерство иностранных дел еще в 1858 г. поручило нашему японскому консулу “войти в сношение с правительством об уступке участка земли для устройства в Хакодатэ угольного склада”³⁰. Английский уголь, привозимый кружным путем, был слишком дорог, японский был низкокачественным, а потому представлялась возможность самого широкого сбыта сахалинского угля в водах Великого океана. В 1862 и 1863 гг., вероятно, по причине существования значительных остатков угля, правительство поручало нашим консулам в Китае и Японии приискать покупателей на сахалинский уголь, причем опускало цену до 7 руб. и даже до 3 долл. 75 центов за тонну с погрузкой. В 1866 г. русский консул в Хакодатэ статский советник фон Бюцов настаивал на необходимости устройства угольного склада в Хакодатэ³¹.

Не были, сравнительно с европейцами и американцами, активны в Японии и русские предприниматели. Хотя нашелся предприимчивый русский человек, который в 1863 г. открыл в Хакодатэ в районе Омати русскую гостиницу. Этим человеком был дворовый человек графа Шереметьева Петр Алексеев. После смерти Алексеева его жена-немка Софья Абрамовна держала гостиницу некоторое время сама. Когда в начале 1870-х гг. центр русской жизни переместился из г. Николаевска во Владивосток — Хакодатэ потерял прежнее значение и, конечно, гостиницу пришлось закрыть³². По некоторым сведениям, первый русский ресторан в Японии появился именно в Хакодатэ (“Росиа Хотэру”). И уже

признано всеми, что первый специализированный ресторан русской кухни, основанный японцем, был “Готокоэн” в Хакодате. Говорят, что шеф-поваром этого ресторана был некто Эикити из Гото, Нагасаки. (Ходила легенда, согласно которой он сразу после гражданской войны в Японии в 1868 г. “Босин Сэнсо” пришел в кухню Консульства России и там научился русской кулинарии)³³.

Технические новшества также поступали в Японию в основном из Северной Америки и Западной Европы. Самой крупной статьёй русско-японской торговли в это время являлись разные виды продовольствия для команд русских военных судов, находящихся на стоянке в Хакодате.

Русско-японский товарооборот, по японским источникам, составлял в 1878 г.: экспорт в Россию — 90 584 иен, импорт из России — 9 288 иен. За 20 лет он увеличился соответственно до 2 642 575 иен и 1 810 461 иен³⁴.

Русско-японская торговля стала постепенно развиваться с конца 1860-х гг. Русские суда все чаще приходят к японским берегам. По подсчетам М. Венюкова, в 1869 г. в открытых портах Японии побывали 34 русских судна, в том числе в Хакодате — 7 (для сравнения, британских — 814, в том числе в Хакодате — 71)³⁵. Таким образом, для русско-японских отношений основной сферой в это время были культурные контакты и взаимное познание с надеждой на будущее.

Вернувшись в Россию в 1865 г., И. Гошкевич привез на родину большую библиотеку по истории и культуре, языку Японии. Библиотека И.А. Гошкевича хранится в Институте востоковедения РАН (Петербургский филиал). Она была куплена у И.И. Гошкевича, сына консула, в 1910 г. В ней насчитывается 1346 японских ксилографов и старопечатных книг, 47 листов географических карт. Собранные письменные памятники свидетельствуют о разносторонних интересах ученого-дипломата, они касаются вопросов географии, этнографии, истории, языка, причем не только японцев, но и народов сопредельных стран: Китая, Кореи. Материалы, которые И.А. Гошкевич привез в Петербург, явились первым крупным собранием японской литературы, поступившим в Азиатский музей (предшественник Института востоковедения). Поступили они еще до того, как в Академии наук началось регулярное изучение японской культуры.

В 1867 г. в Эдо было заключено дополнительное русско-японское соглашение о торговле и навигации, и аккредитован новый консул Е.К. Бюцов. После того, как российские дипломаты обосновались в Токио, а военный и коммерческий флот стал базироваться преимущественно в гавани Нагасаки, г. Хакодате утратил доминирующую позицию в русско-японских связях. О России и русских напоминал лишь православный храм, да небольшое русское кладбище. На нем нашли последний приют подданные Российской империи, в том числе 25 военных моряков, врач русского консульства В.С. Вестли, псаломщик В.Л. Сартов. Здесь же в 1877 г. были похоронены несколько японцев-христиан: Алексей Янака, катехизатор из Оодате, Сайто Мосаку (Исайя), Судзуки Морисаку, Исида Идзима. Много позже здесь хоронили русских эмигрантов. Список русских моряков, похороненных на кладбище в Хакодате, приведен в книге В. Гузанова³⁶. Однако в нем имеется ряд неточностей, которые удалось исправить, еще раз посетив кладбище в Хакодате, а также сравнив данные В. Гузанова с книгой известного японского археолога Баба Осаму³⁷. Ошибочно считается, что здесь была похоронена жена первого русского консула Елизавета Степановна Гошкевич³⁸, которая работала в администрации русского госпиталя в Хакодате. Около 1864 г. она тяжело заболела и вскоре скончалась. По желанию И.А. Гошкевича она была похоронена рядом с консульством, вероятно, при старой русской церкви (район

Мотомати). После пожара 1907 г. могила была потеряна. Останки Е.С. Гошкевич были обнаружены при строительстве нового храма в 1916 г.³⁹

Русское кладбище в Хакодате

1. Вестли Владимир Степанович, умер 1 янв. 1869 г., врач Российского консульства, 29 лет.
2. Сартов Виссарион Львович, 17 янв. 1874 г., псаломщик церкви при Российском консульстве, 36 лет.

Моряки

3. Шачковский Людвиг, утонул 20 июля 1863 г., матрос вестовой русского консульства.
  - *Корвет “Калевала”*
4. Шамнев Афтоном. 16 авг. 1862. 28 лет. Кочегар 28-го флотского экипажа.
  - *“Гайдамак” винтовой клипер.*
5. Васильев Андрей, 28 сент. 1861 г. парусник экипажа. 27 лет.
6. Алексеев Степан, 29 янв. 1864 г. унтер-офицер 19 флотского экипажа. 44 года.
  - *“Посадник” корвет*
7. Гомзиков Степан, утонул 18 марта 1862 г., матрос. 28 лет.
8. Попов Андрей, 18 марта 1862 г., гардемарин, 26 лет.
9. Кузьмин Никита, 15 окт. 1861 г. боцман 28 флотской команды, 32 года.
10. Месников Василий, 16 окт. 1861 г., матрос, 30 лет.
11. Кузнецов Иван, 27 авг. 1862 г., матрос 28 флотского экипажа, 32 года.
12. Гвоздев Евтропий, 9 марта 1862 г., матрос 28 флотского экипажа, 26 лет.
13. Степанов Федор, 17 февр. 1862 г., матрос 28 флотского экипажа, 28 лет.
  - *“Абрек” винтовой корвет.*
14. Шнепаев Прокопий, 30 июня 1862 г., фельдшер 28 флотской команды, 30 лет.
15. Ювонин Давид, 28 июня 1862 г., матрос, 26 лет.
16. Без имени, 1862 г., кочегар 28 флотского экипажа.
  - *“Первая” шхуна.*
17. Пагудин Филипп, 27 окт. 1863 г., матрос 27 флотского экипажа, 33 года.
  - *“Манчжур” винтовой транспорт.*
18. Филиппов Прокопий, 19 нояб. 1862 г., рулевой 27 флотского экипажа, 26 лет.
  - *“Рында” корвет*
19. Махов Григорий, 8 окт. 1862 г., матрос 28 флотского экипажа, 26 лет.
20. Смирнов Евдоким, 6 авг. 1863 г., конопатчик 4 рабочего экипажа, 29 лет.
  - *“Богатырь” винтовой корвет.*
21. Топанов Иван, 27 авг. 1869 г., матрос 28 флотского экипажа, 29 лет.
  - *“Новик” винтовой корвет.*
22. Непогода Казимир, 16 авг. 1863 г., матрос 26 флотского экипажа, 26 лет.
  - *“Джигит” винтовой клипер.*
23. Евсеев Петр, 1 нояб. 1859 г., кочегар 28 флотского экипажа, 26 лет.
  - *“Аскольд” винтовой корвет*
24. Векман Матис, 5 июня 1866 г., матрос, 31 год.
25. Поулькевич Георгий, 26 июня 1859 г., квартирмейстер
  - *“Японец” винтовой транспорт.*
26. Гиршев Стефан, 25 янв. 1860 г., матрос 8 флотского экипажа, 30 лет.
  - *“Моряк” в.к. лодка*
27. Стогов Петр, 8 нояб. 1866 г., мичман Амурского флотского экипажа, 24 года.

Эмигранты

28. Батулин Прокопий Петрович (июль 1880— авг. 1939), предприниматель, умер в Шанхае.
29. Черри Людмила (28.08.1914 — 13.06.1939), приемная дочь П.П. Батулина, уби-та в Шанхае.
30. Зверев Косьма Родионович (18.10.1886 — 7.01.1944) есаул, эмигрант, уроженец г. Кунгур Пермской губернии. Умер в тюрьме в г. Асахигава, куда был за-ключен по обвинению в шпионаже.
31. Архангельский Василий Васильевич, (1886—25.03.1939) штабс-капитан
32. Архангельская Ксения (1921—12.01.1943)
33. Архангельская Ксения Николаевна (1881—08.01.1943).

Продолжала свою деятельность русская церковь. Когда в конце 90-х годов XIX в. Хакодате посетили преосвященный Николай и о. Сергей, здесь оставалось около 300 человек христиан. Было крещено с основания японской церкви 1122 человека, правда, более 200 из них уже умерли к этому времени, человек 800 разбрелись по Хоккайдо и старой Японии⁴⁰. Помещения же бывшего консульства пришли в запустение — “был очень большой дом для консула, дома для секретарей, священника, доктора и пр. Рядом стоял морской русский госпиталь. Но сильный пожар уничтожил почти все постройки, остался только консульский храм, дом священника и еще кое-что... В общем получается впечатление оставленной помещичьей усадьбы: главного дома уже нет, сад запущен, двор порос травой, остался только приземистый флигель да разные постройки, в которых редко-редко покажутся признаки тихо протекающей жизни. Все это остатки прошлого...”⁴¹.

После 1917 г. в Хакодате еще проживали немногочисленные русские и их потомки. В 1924 г. сюда прибыли 110 русских эмигрантов, а в 1925 г. их было уже 158⁴². Известный специалист в области русско-японских отношений профессор Накамура Ёсикадзу приводит факты о деятельности в Хакодате русских торговцев сукном, которых в 1924 г. было около 50-ти ⁴³. До 1933 г. в Хакодате существовал филиал торгового общества “Рюри” (было создано в Николаевске-на-Амуре в 1902 г.), которое совместно с обществом Петра Николаевича Симада занималось рыболовным промыслом и торговлей. С 1908 г. в Хакодате работал “Дом Денби” — филиал Владивостокской торговой фирмы “Денби”. Занималась она рыболовным промыслом, торговала мехами и была агентом русского добровольческого флота. Основатель фирмы Джордж Денби был уроженцем Шотландии, принявшим российское подданство. В конце XIX — начале XX вв. Альфред Денби (второе поколение рода Денби) имел рыболовные участки в районе Камчатки. Он владел предприятием по переработке рыб лососевых пород. После революции в России Денби утратил права на ведение рыболовства и занялся меховой торговлей. В 1935 г. он был назначен почетным консулом английского консульства в Хакодате. Его поместье располагалось в западной части Хакодате в районе Ятигасира. Склон, на котором располагался дом Денби, жители Хакодате даже называли “склон Дэнбэ”⁴⁴. В Хакодате существовал меховой торговый дом русского эмигранта Д.Н. Швеца, который был отстроен в 1930 г. Сам Д.Н. Швец умер в 1934 г. и был похоронен в Хакодате, а в 1936 г. семья Швецов уехала из Хакодате, и позже этот дом приобрел К. Рэймон.

Хотя роль Хакодате как связующего звена в отношениях между Россией и Японией осталась далеко в прошлом, многое в городе и сейчас напоминает о

тех времен. В порту можно увидеть корабли с российскими флагами, и так же звонко звучит колокол в православном храме, созывая на службу немногочисленных прихожан.

1. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 52—53.
2. Там же. С. 53.
3. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 280.
4. Там же.
5. *Foreign Pioneers. A Short History of the Contribution of Foreigners to Development of Hokkaido.* Sapporo, 1968. P. 147.
6. Морской сборник. 1912. № 11. С. 17.
7. Там же. С. 19.
8. Там же. 1859. № 5. С. 53.
9. Там же. С. 55—56.
10. В 1861 г. в районе Камисиоми (рядом с нынешним храмом Воскресения) было выделено 6,5 га земли для строительства зданий российского консульства. Весной следующего года здания были готовы, и консульство переехало из временных квартир при храмах Дзицуге-дзи и Корю-дзи, но в 1865 г. неподалеку, в британском консульстве начался пожар, от которого почти полностью выгорело и российское консульство. После этого строительство долго не начиналось, и консульство снимало здания в городе, однако, с открытием концессий на рыболовство в российских водах стала очевидной необходимость консульства, и в 1902 г. Российское правительство покупает земельный участок, а со следующего года начинается строительство нового здания. В период русско-японской войны строительство было приостановлено, но в декабре 1906 г. было закончено. Проект здания выполнил работавший в Японии немецкий архитектор Зелл: в главном кирпичном корпусе два этажа, а над входом устроен особый козырек японского стиля, редкий для такого рода архитектуры. После революции консульство стало советским, а 1 октября 1944 года было закрыто. С 1965 г. в здании находился детско-юношеский учебный центр, в настоящее время здание доступно только для внешнего осмотра.
11. *Lensen G.A.* Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in Northern Japan. Hakodate, 1954. P. 76—78.
12. *Plutschow H.E.* Historical Hakodate. Foreigners' Views of the City in the Second Half of the Nineteenth Century. Hakodate, 1991. P. 49.
13. Морской сборник. 1859. Т. 43, № 9. С. 139.
14. Там же. 1861. Т. 54, № 7. С. 50—51.
15. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 2. 1868—1972. Иркутск, 1884. С. 611.
16. Отец Анатолий (Тихай Александр Дмитриевич, 1838—1893) родился в Молдавии, окончил Киевскую духовную академию, иеромонах. В Японии с 1872 г. — в Хакодате, в 1878 г. возглавил приход в Осака. В миссии находился до 1890 г. В 1874 г. по его приглашению в Хакодате прибыл его младший брат Яков, ставший регентом церковного хора и учителем пения в Японской православной миссии. Прослужил здесь тридцать лет. Сочинения о. Анатолия: Обитатели Японии. СПб., 1882; Синтоистский обряд погребения у японцев. СПб., 1882. Дневники о. Анатолия были опубликованы в журнале “Миссионер” (1878. № 28—32; 1879. № 45—50).
17. Труды православных миссий Восточной Сибири, 1868—1972. Иркутск, 1884. Т. 2. С. 608—609.
18. *Архимандрит Сергей.* По Японии (Записки миссионера). М., 1998. С. 14.
19. Дневники святого Николая Японского: В 5 т. СПб., 2004. Т. 5. С. 736.
20. Цит. по: *Иванова Г.Д.* Русские в Японии XIX—начала XX в.: несколько портретов. М., 1993. С. 31.